

главным образом, диалектологи, подобрали параллели из народных говоров, из народной поэзии, позволяющие понять прямой смысл текста, показали органическую связь "Слова" с народным языком и поэзией.

Так как этот памятник чрезвычайно краток, то относительно небольшой запас слов (всего около 3000) изучался за долгий период разработки текста чрезвычайно разносторонне. Однако несмотря на обширное количество научных публикаций, посвященных "Слову", интерес к нему не только не уменьшается, но и становится более углубленным.

"Слово о полку Игореве", являясь одним из самых значительных и художественно совершенных памятников древнерусской литературы XII в., было создано в эпоху быстрого и плодотворного движения вперед русского искусства, в атмосфере, пронизанной новыми общественными идеями и художественными вкусами, которые приобретали общерусское значение. Русский народ, творя историю своей родины, не раз обращался к "Слову" и находил в нем созвучие своему творчеству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кайперт Г. Крещение Руси и история русского литературного языка. Вопросы языкознания. 1985. № 5. С. 86-115.
2. Литература и культура Древней Руси. М.: Высшая школа, 1994. 334 с.
3. Распутин В. ...И русская душа. (Слово о полку Игореве. 800 лет). М.: Сов. писатель, 1986. С. 568-569.
4. Ржига В.Ф. "Слово о полку Игореве" и древнерусское язычество (Слово о полку Игореве. 800 лет). М.: Сов. писатель, 1986. С. 90-102.
5. Сазонова Л.И. "Слово о полку Игореве" в русской поэзии XX в. (Слово о полку Игореве. 800 лет). М.: Сов. писатель, 1986. С. 462-485.
6. Словарь славянской мифологии. Н. Новгород: Русский купец. Братья славяне, 1995. 368 с.

ПУТЬ К СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА ГОРОДНИЦКОГО

Е. В. Купчик
Тюмень

На протяжении всей истории нашей литературы тема Святой земли является одной из тех, к которой обращаются писатели и поэты самых разных времен, вкусов и направлений. Такое обращение вполне закономерно в связи с тяготением русской литературы к вечным вопросам бытия, к поискам идеала, к духовности личности.

Места евангельских событий многими поколениями русских людей не воспринимались как весьма отдаленные. В конце прошлого века В. Н. Хитрово отмечал: "с первым детским лепетом привыкли мы произносить священные имена Иерусалима, Иордана, Назарета, Вифлеема, имена эти в нашем детском воображении сливаются как-то с родственными для нас именами Киева, Москвы, Владимира и Новгорода" (1, с. 3). Также привычным для многих россиян было посещение земель, связанных с библейскими событиями, нередко с последующим описанием своих впечатлений. Здесь можно назвать и имена деятелей литературы — П. А. Вяземского, Н. В. Гоголя, В. И. Иванова, И. С. Бунина и др. (2).

В послереволюционные годы существенно сужаются возможности писать на религиозные темы. Былое паломничество практически прекращается. В настоящее время среди приезжающих на Святую землю (территория Палестины, Израиля) есть и паломники-христиане, и те, для кого эта земля связана прежде всего с ветхозаветными событиями, и те, кто прибывает сюда не по религиозным мотивам (воссоединение семей, посещение родных и друзей, поиск лучшей доли и др.). В связи с этим легко предположить, что собирательный образ этой земли в современной поэзии может оказаться мозаичным (земля ветхозаветная, земля новозаветная, "историческая родина", "обстановка жизни" и под.); традиционный эпитет "святая", таким образом, не во всех случаях будет выражать авторское отношение к соответствующей реалии.

В стихотворениях Александра Городницкого, включенных в сборник "Остров Израиль", обнаруживается цельность и вместе с тем многоплановость подхода к теме. Сам "остров Израиль" предстает в разных, на первый взгляд, противоречивых ипостасях: это и обетованная земля Ветхого Завета, и земля евангельских событий, и земля современная.

Отметим, что практически все эти темы не рассматриваются автором односторонне.

Так, "земля обетованная" у Городницкого не являет собой некоей противоположности "Святой земле" (по признаку ветхозаветная — новозаветная, иудейская — христианская). Авторский подход близок экуменическому: существующие межконфессиональные границы не трактуются как незыблемые и необходимые. Вполне естественной представляется ситуация, когда в одном и том же месте "склоняясь, католики к небу возносят молитвы

И евреи, качаясь, возносят молитвы свои", "одинаково чтут там Христа, Магомета и Будду" ("Бахайский храм") — ведь "Господь всемогущ и велик в многоличье своем триедином" ("Иерусалим"). Израиль — земля и Бога, к которому обращался Моисей, и Христа.

Путь в эту землю оказывается, с одной стороны, возвращением к истокам. Слова на ранее незнакомом герою иврите запомнятся легко, что сам он объясняет генетической памятью: "А мне еще, как прежде, невдомек, что не учу слова, а вспоминаю". Увиденное на земле предков вызывает у героя положительные эмоции, и язык, и люди кажутся близкими, своими. Покинутая же страна предстает чужой и недоброй: "А мы из мест, где жили деда, Где будут внуки жить опять. Летим делить чужие беды, Чужую жизнью доживать". Герою легко понять израильского солдата, хотя они говорят на разных языках: "Почему так легко понимать мне его? Потому ли, Что в тылу он не станет искать безопасных путей? Что меня не сразит центробежною смертною пулей? Что саперной лопаткой моих не порубит детей?".

Вместе с тем путь сюда для тех, кто приезжает на постоянное место жительства, оказывается скорбной дорогой, бегством (3) ("Отъезд", "Мне говорят, что надо уезжать" и др.), поскольку страна, где прошла жизнь, является не чужой, а своей: "Куда мне от родительской могилы, от завтрашних московских новостей?... Дерево, посаженное в землю, Уже не может вытащить корней". Герой, называющий себя "инородцем", говоря с горькой иронией "не русский поэт я, а русскоязычный", не может порвать связи с этой землей, хотя она к нему и неласкова: "Но медлю я, приникнув, как Овидий, К родной земле, где я не одинок, Где есть кого любить и ненавидеть"; "Почему только выпало мне Неразрывною связью утробной Быть привязанным к этой стране — Необъятной, голодной и злобной?". Историческая же родина может восприниматься с иными чувствами: "Земля обетованная, тебе ли Манить меня в свой допотопный век? Так к собственной забытой колыбели Не возвратится взрослый человек".

Показательно в этом плане стихотворение (песня) "Алия". В первой строфе автор говорит о начале второго исхода, о том, что наступает "время думать не о себе, время просто спасать детей". Во 2-3 строфах сгущаются темные краски, которыми нарисована оставляемая страна: "...тускло горит, как ад, Шереметьевский порт ночной", "черный град" и др. Лирический герой размышляет о будущей смене "хода времен", когда "станут счаст-

ливы" все живущие на родине отцов. Но для тех, кто уезжает сейчас, это не отъезд на родину, а разлука с ней: "Непривычна чужая речь. Будет плакать ночами сын. Будет горло и душу жечь Беспощадный сухой хамсин".

Земля, на которой оказывается герой поэта, являет ему свой древний облик — это "пыльные руины", "Мертвое море, где дремлют Содом и Гоморра, Словно в банке стеклянной засоленные огурцы". "Современное" ("сниженный" объект сравнения при более "возвышенном" субъекте) сравнение неожиданно и точно: прозрачная соленая вода как бы законсервировала древние города. Глубокая древность проглядывает сквозь современный облик городов и их жителей.

Былое может быть статичным и как будто вневременным ("Мертвое море"). Однако более характерно для А.Городницкого совмещение разных временных планов (обычно это древность и современность). Иногда поэт говорит о разрыве звеньев временной цепи. Несходство прошедшего и настоящего естественно, возврат к древности невозможен: "Мимо, ревнители прошлого, мимо, Все в колыбели уместится разве?" Здесь повторяется образ родины-колыбели, из которой человеку суждено вырастать.

Но разрыв старого и современного может быть и весьма болезненным. Сын отчуждается от отца, чувствуя себя принадлежащим совсем иной культуре: "Листает он упорно Страницы древних книг, И видеть мне прискорбно библейский этот лик". В стихотворении "С момента сотворенья..." находят отражение два важных мотива творчества А. Городницкого — это невозможность вернуться (по Городницкому, любое возвращение невозможно в принципе, ибо представляет собой попытку обратить вспять время) и замыкание круга. Оба эти мотива в контексте творчества поэта дополняют друг друга, но в данном случае речь идет об их трагической несочетаемости. Сын изыскивает возможность "вернуться", приобщаясь к культуре предков, отец же не может этого сделать, связь времен распадается: "Нам в детях повторенья Добиться не дано".

Отметим, что мотив повторяющейся истории в "израильских" стихах звучит явственно. События сегодняшнего дня вызывают ассоциации с древними временами (например, эмиграция сопоставляется с исходом евреев из Египта). Говоря о прошлых и будущих войнах, поэт приходит к отрицанию известного суждения о прогрессивном движении человеческой истории "вверх по спи-

рали": "Людской цивилизации итог Бессмысленен: очередной виток Не выше начинается, а ниже". Попытки предсказания будущего не нужны, они бесплодны, потому что будущее — это повторяющееся прошлое: "Информативней утренних газет Скупые строки Ветхого Завета" (ст. "Что будет с нами в нынешнем году").

Вторжение одной эпохи в другую, временная интерференция нередко сопровождается интерференцией пространственной. Та или иная ситуация способна вызвать как временные, так и пространственные ассоциации типа "На небе московском библейской звездой латунный горит шестигранник" ("Как ныне собирается Вещий Олег...") или "Кадиш хамсина кружит во мраке Над Хиромой и Нагасаки" ("Мертвое море") и др. Упоминание о ветхозаветном Моисее встречается главным образом в связи с исходом израильтян из Египта. "Капитан Моисей" уводит свой корабль — "остров Израиль" — в Мировой океан, который в данном случае выступает как метафора будущего времени. Моисей, таким образом, вечный вождь своего народа в бесконечных странствиях.

В "Монолог Моисея", написанном от лица самого пророка, автор формулирует смысл многолетних скитаний еврейского народа: "Сорок лет вожу народ я по пустыне, Чтобы вымерли родившиеся в рабстве". Моисею суждено на всем протяжении этого пути быть свидетелем гибели соплеменников, но он чувствует себя обязанным выполнить свой долг. Здесь автор не проводит очевидной параллели с современностью, однако она угадывается из контекста произведений А. Городницкого данного периода (конец 90-х гг. — начало последнего десятилетия XX в.). Показательно и то, что объяснения Моисеем необходимости именно такого исхода странствия (гибель всех бывших рабов) даны в обобщенной, афористичной, "вневременной" форме: "Тот, в ком с детства кровь от страха в жилах стынет, Неспособен жить при равенстве и братстве"; "...нельзя войти в сияющие двери С синяками от колодок на запястьях". Образ обетованной земли, таким образом, теряет конкретность, обретая символичность.

Путь к Святой земле — это и путь к Богу. Устами своего героя автор признает себя неверующим: "Ни Христу не молюсь, ни Аллаху", "Я так сожалею, что я атеист, Уже ничего не исправишь". Такое сожаление характерно для человека, чье формирование как личности пришлось на "атеистическое" время. Вместе с тем сам факт сожаления о своей безрелигиозности свидетельствует, как нам кажется, о возможности прихода человека к вере. Отметим,

что мысли о существовании Бога присутствуют в ряде стихотворений А. Городницкого. Перу поэта принадлежат произведения, весьма близкие к духовной лирике, созданной верующими ("Матфей", "Евангелисты", "Годился" и др.). То, что поэт не торопится назвать себя верующим, является признаком его серьезного отношения к теме Бога, как и к его земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хитрово В. Н. Православие в Святой земле. Православный палестинский сборник. Т.1. Вып.1. СПб.1883.
2. См.сборник "Ветка Палестины". Стихи русских поэтов об Иерусалиме и Палестине. М.: Алеса, 1993. 384 с.
3. Ряд стихотворений данного сборника создан автором в кризисное для России время, сопровождаемое всплеском антисемитизма.